
СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕУГОЛЬНИК	9
ЖЕЛАНИЯ	40
КАРМА	55
ИГРУШКА-ПРУЖИНА	79
СТРАТЕГИЯ ВЫХОДА	90
СУППОЗИТОРИИ	107
ПОМОЙКА	129
Я НЕ БУДУ СЧАСТЛИВ	157
ПОРЫВ	179
БУГИ	195
ДВА РУБА	207
ЯЩИК С НОСКАМИ	222
ТРУПОРИКАНЦЫ	240
УГЛИ	251
ПЕНИС РУБА	270
РАЗДВОЕНИЕ	275
РЕИНКАРНАЦИЯ	283
ХИЛЛ ПРИХОДИТ В ДЕЙЛ	288
ЗАГРОБНЫЕ ХЛОПОТЫ	296

СОУЧАСТНИК	324
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО	354
СЕКРЕТЫ.	368
ДЕРЕВО, КОТОРОЕ НЕ ПРЕДУГАДАЕШЬ	386
ГЕРТ ПРЕДПОЛАГАЕТ	409
УМРИ, ЛУЧШЕ НЕ СКАЖЕШЬ.	426
ДОМ.	446
ДУГИ ИДЕТ НА ПОПЯТНЫЙ	461
ШАРАДА	468
СЕБЕ НЕ В УМЕ.	477
ТО, ЧЕМУ НЕТ НАЗВАНИЯ	487
ДВИЖЕНИЕ	494
НОРМА	509
ИСЦЕЛЕНИЕ	527

Говарду Фрэнку Мошеру

ТРЕУГОЛЬНИК

КЛАДБИЩЕ ХИЛЛДЕЙЛ В НОРТ-БАТЕ РОВНО ПОСЕРЕ-дине делилось на две части, Хилл и Дейл, между ними тянулась широкая щебеночная дорога, в пору колониальную по ней ездили на повозках. Первые дюжие обитатели городка не то чтобы вовсе не задумывались о смерти, однако явно не осознавали, сколько человек умрет и сколько земли понадобится на последние пристанища для тех, кого сгубят суровые зимы, стычки с туземцами и недуги. А может, они, наоборот, недооценивали и собственную плодовитость? Итог, как ни странно, оказался таким же. Клочок земли на окраине, отведенный под кладбище, вскоре заполнили, потом переполнили, потом набили до отказа; в конце концов покойники вырвались за его пределы, хлынули через ныне заасфальтированную двухполосную дорогу на равнинные пустоши и добрались до самого нового шоссе, ведущего к федеральной автомагистрали. Оставалось только гадать, куда они устремятся потом.

Старая часть кладбища, то есть Хилл, хоть в 1970-е и пострадала от графioза, а в недавние годы от плесени, подточившей корни деревьев, — те слабели и сохли, отчего земля неожиданно-негаданно проседала, — всё ж не утратила очарования: ее вековая растительность и поныне дарила посетителям тень и прохладу легкого ветерка. Пологие холмы и извилистые гравийные дорожки дышали уютом и простотой, так что даже казалось, будто те, кто обрел покой под здешними живописными пригорками —

а некоторых умерших предали земле еще до Войны за независимость*, — очутились здесь не вынужденно, а добровольно. Словно они даже не столько скончались, сколько мирно дремлют под покосившимися надгробиями, похожими на выдавшие виды удобные шляпы, лихо заломленные набекрень. И кто их осудит, что они, хлопнув по кнопке будильника, предпочли поваляться еще с четверть века, — ведь мир, где им выпало бы проснуться, изобилдовал тяготами похлеще, чем тот, который они оставили.

Новая часть кладбища, то есть Дейл, была плоская, как столешница из формайки, и глаз радовала не больше. Ее покрывала сеть мощеных аллей, земля на недавних могилах растрескалась, затвердела, а газоны, особенно те, что примыкали к шоссе, смахивали на одеяла из болезненно-желтых и фекально-бурых лоскутьев. Соседние земли, те самые, где некогда собирались разбить луна-парк “Последнее прибежище”, были грязные, топкие. В последнее время их тлетворные грунтовые воды после затяжных дождей пробивали себе путь под дорогой, размывали почву и утаскивали в низину гробы свежеусопших. После разгула стихии нельзя было поручиться, что на участке кладбища, который вы навещаете, покоится тот же гроб, что и неделей ранее. Многим такое положение дел казалось нелогичным. С подобным обилием вод Дейлу бы зеленеть, однако все тамошние насаждения сохли, чахли, словно из сострадания к его постоянным, пусть и неугомонным, обитателям. Не иначе как воды отравлены, судачили горожане. Сколько они себя помнили, на соседних с кладбищем землях тайком закапывали отходы, поэтому тот участок и продали за бесценок несостоявшимся застройщикам луна-парка. В недавнюю затянувшуюся засуху из-под земли выглянули десятки дырявых железных бочек с нарисованными черепом и костями. Одни бочки были старые, ржавые, бог знает, что из них вытекало; другие, поновее, имели пометку “хром”, и это бросало тень подозрения на соседний город Мохок, где когда-то работало несколько кожевенных фабрик, но подозрения эти встречали категориче-

* Война за независимость Америки продолжалась с 1775 по 1783 год. — *Здесь и далее примеч. перев.*

скими и по большей части вескими возражениями. Любому, кто хочет знать, как на кожевенных фабриках обстоят дела с красителями и канцерогенными химикатами, достаточно посетить городскую свалку и реку, протекающую через город, или онкологическое отделение местной больницы. Но ведь откуда-то же взялись эти бочки с ядовитой жижей? Вероятнее всего, с юга штата. Ясно давно: от Нью-Йорка добра не жди. Дерьмо — как жидкое, так и твердое, как в прямом, так и в переносном смысле — течет вверх, отрицая законы физики, зачастую даже в Катскиллы, а порой и до Адирондака.

Очаровательных и изысканных могильных памятников в Дейле не ставили. Там намеренно ограничивались надгробными плитами, которые не могли повалить малолетние варвары. Известная всему Бату учительница восьмых классов Берил Пиплз, время от времени в язвительных письмах в “Еженедельник Норт-Бата” делившаяся скептическими соображениями о человеческой природе, предупреждала, чем это чревато. Из-за плоских надгробий, писала мисс Берил, и без препятствий в виде деревьев или кустов посетители будут использовать кладбище как гигантскую парковку супермаркета и подъезжать на машине прямо к надобной им могиле. В свое время от предостережения отмахнулись, сочтя его возмутительной, безнравственной клеветой на граждан, но старуха оказалась права. Недели не проходило, чтобы кто-нибудь не позвонил в полицейский участок и не сообщил о следах покрышек на бабушкином надгробии, в том самом месте, где, по мнению навестившего могилку, находилось ее прекрасное лицо. “А вам бы понравилось, если по вашей башке проехали бы на пикапе?” — гневно допытывался звонивший.

Начальник полиции Дуглас Реймер, с опозданием прибывший на кладбище проводить в последний путь судью Бартон Флэтта, неизменно терялся, не зная, как отвечать на подобные претензии: ему казалось, они столь нелепы, что и на вопросы-то не тянут. Неужели от него действительно требуют подтвердить, что проехать по могиле чьего-то предка — поступок, бесспорно, бестактный, даже бесцеремонный — вовсе не то же самое, что проехать по голове живого человека (ведь это уже, разумеется, уголовное

преступление)? Допустим, он представит себе и то и другое, — какая от этого польза? Люди словно ожидали от него, что он разберется не только с правонарушителями, но и с мирозданием в целом, да ведь первых так много, что не сосчитать, они такие разные, что не объяснить, а второе настолько загадочно, что не постичь умом. С каких это пор начальник полиции обязан заниматься и тем и другим? Разве загадки природы и поведение человека должны объяснять не психиатры, философы и священники — ведь им за это и платят? Реймер обычно понятия не имел, почему сам поступает именно так, а не иначе, где уж ему судить о мотивах чужих поступков!

В чем бы ни заключались его обязанности, чаще всего — в том числе и сегодня — Реймера воротило от них с души. Патрульным он воображал, что уж в начальниках-то участка займется настоящей полицейской работой или, по крайней мере, на славу послужит обществу, но теперь, оттрубив на этом посту два срока, понимал, что этому не бывать. Разумеется, в Норт-Бате большинство преступлений раскрыть бывало несложно. В больницу поступает женщина, которую явно избили, но она утверждает, будто споткнулась о детскую игрушку и упала. Заявишься к ее мужу, протянешь руку пожать, глядь — а его пятерня, которую он неохотно подает тебе в ответ, больше похожа на безобразный фрукт: багровая, вся распухшая, из-под лопнувшей кожи сочится сукровица. Но даже такие удручающе примитивные расследования покажутся увлекательными по сравнению с тем, чем занимался Реймер в должности начальника полиции. Когда он не присутствовал на похоронах людей, которые ему даже не нравились, и не выступал перед коллективами “сознательных граждан” — а тем явно хотелось не столько услышать его предложения, сколько проверить, долго ль он вытерпит хамство, — Реймер играл роль заурядного клерка, пусть и высокопоставленного, функционера, который заполняет бланки, отчитывается перед городской управой и проверяет бюджет. Порою он день-деньской просиживал в кабинете. Он толстел. Да и жалованье, если честно, оставляло желать лучшего. Нет, конечно, он получал больше, чем когда был патрульным, но не настолько, чтобы эта сумма уняла его вечное раздражение. Пожа-

луй, он смирился бы с тем, что работенка у него дрянная, если бы выполнял ее хорошо, но, по правде сказать, и копом он был дрянным. Реймер понятия не имел, что бы делал без Кэрис — кстати, о раздражителях — и вечных ее понуканий. Потому что она права, он действительно становится все забывчивее, рассеяннее и задумчивее. С тех пор как Бекка...

Нет, не станет он о ней думать. Не станет. Сосредоточится на здесь и сейчас.

А здесь и сейчас было жарко, словно в Уганде. К тому времени, как он пересек кладбищенскую парковку и преодолел ярдов сто до того места, где над разверстой могилой судьи Флэтта столпился десяток скорбящих, Реймер уже обливался потом. Небывалое пекло для мая. Выходные перед Днем поминовения*, неофициальным началом лета, как правило, глубоко разочаровывали всех, кто обитал здесь, в предгорьях Адирондаков, — с местными жителями зима и без того обходилась сурово, и лета они ждали с таким нетерпением, что оно просто обязано было скорее настать. Даже если температура в конце мая падала до сорока с небольшим** и приходилось расчехлять зимние куртки, они *все равно* устраивали барбекю на заднем дворе. Они *все равно* играли в софтбол, даже если неделю хлестали ледяные дожди и поле превратилось в кашу. А если выглядывало солнце, пусть бледное и чахлое, они *все равно* ехали на водохранилище кататься на водных лыжах. Но в этом году пылкие молитвы горожан все же были услышаны, однако, как обычно бывает (по крайней мере, по опыту Реймера), с насмешливой мстительностью. Последние три дня было градусов девяносто пять***, и конца этому не видно.

Реймер куда охотнее маялся бы с краю сегодняшней церемонии, но сглупил: встретился взглядом с мэром и не успел отвернуться, а тот жестом поманил его к себе, туда, где стояло высшее руководство, и Реймер скрепя сердце повиновался. Что он только ни делал вчера, лишь бы увильнуть от этих похорон, даже

* День поминовения, посвященный памяти всех американских военнослужащих, павших в войнах, отмечают в США в последний понедельник мая.

** То есть примерно до 5—7°C.

*** 35°C.

предложил Гасу прислать вместо себя Кэрис (она все чаще искала повод смыться из участка). Я не просто не питал к Бартону Флэтту особой симпатии, пояснил он Гасу, но и числил его одним из многих проклятий своей жизни, однако мэр и слышать не пожелал. Судья был важной персоной, и Гас ожидает, что Реймер непременно придет на похороны и, несмотря на жару, облачится по такому случаю в парадную синюю форму.

И вот Реймер стоит под солнцем, жгучим не по сезону, отдавая дань уважения человеку, который без малого двадцать лет его презирал. Впрочем, не его одного. Судья Флэтт по умолчанию презирал всех до единого и не скрывал, что считает людей лихоимцами (это слово Реймеру пришлось посмотреть в словаре) и невегласами (это тоже). И если к преступникам он питал неприязнь, то юристов и полицейских недолюбливал того больше, поскольку, по его мнению, им следовало быть умнее. Впервые Реймера вызвали в кабинет судьи после того, как он нечаянно выстрелил из своего табельного пистолета; судья — казалось, целую вечность — сверлил Реймера фирменным мрачным взглядом, а потом обратился к Олли Норту, тогдашнему шефу полиции: “Ты знаешь, какого я мнения о мудаках с оружием. Если уж дал оружие одному, то раздай и всем, иначе неспортивно”. За долгие годы Реймеру не раз подворачивалась возможность вырасти в глазах судьи Флэтта, но нынешний начальник полиции умудрился лишь еще больше уронить и без того невысокое судебское мнение о себе.

Разумеется, увильнуть Реймер пытался не только поэтому. Он не бывал на кладбище со дня похорон Бекки и не знал, как поведет себя, когда окажется так близко от нее. Реймер полагал, что уже смирился с утратой, но что, если его снова охватит отчаяние и боль, он не выдержит и расплачется, вспомнив о женщине, которая его одурачила? Что, если истинно скорбящие увидят, как он рыдает? Не сочтут ли они эти терзания, не приличествующие мужчине, насмешкою над своим — более искренним — горем?

— Ты опоздал, — краем губ процедил Гас, когда Реймер встал рядом с ним.

— Сожалею, — ответил Реймер противоположным краем губ, хотя ни капли не сожалел и по такой жаре даже не стал притворяться. — Я уже выходил, когда мне позвонили.

— Неужели нельзя было поручить это кому-то другому?

Реймер заготовил ответ.

— Я думал, что ты захочешь, чтобы этим занялся я.

Мэр ощутимо вздрогнул.

— Элис?

— Все в порядке. Я отвез ее домой.

Элис, чокнутая жена Гаса, видимо, снова забыла принять таблетки. Кэрис связалась по рации с Реймером и сочувственно сообщила о происходящем. У Реймера екнуло сердце.

— Да ну? Неужели опять телефон?

— Именно что, — подтвердила Кэрис.

Мода на сотовые телефоны больше года назад охватила Нью-Йорк и Олбани (и набирала обороты в Шуйлер-Спрингс, городке по соседству с Батом), но в самом Бате пока что не привилась. Гас обзавелся сотовым телефоном и грозился купить такой же Реймеру, поскольку хотел быть с ним на связи более-менее постоянно. Элис, наверное, видела, как люди говорят в эти штуковины, и по-своему истолковала, как этим пользоваться. Решила, что розовый стационарный телефон из ее спальни подойдет как нельзя лучше — почему бы и нет? — отцепила от него провод и сунула кастрированный прибор к себе в сумочку. И если на Элис нападало желание пообщаться, она доставала трубку и, к замешательству окружающих, принималась болтать с таким видом, будто разговаривает по настоящему сотовому телефону.

— Почему бы вам не поручить это мне? — спросила Кэрис. — Вы опоздаете на похороны.

Но Реймеру не улыбалось посылать за бедняжкой кого бы то ни было. Элис и без того часто пугала форма, да и с Беккой они дружили, так что Реймера она узнавала, хотя и его форма, кажется, тоже ее озадачивала.

— Я и сам с радостью съезжу, — ответил Реймер.

Он и правда питал симпатию к Элис. Большинство городских сумасшедших были буйные, Элис же кроткая как агнец. И еще ему

казалось, что ей одиноко. Смерть Бекки стала тяжким ударом для Элис.

— Может быть, женщине с женщиной... — вполне резонно указала Кэрис.

— Спасибо, но мне нужна холодная голова в участке, — как обычно, ответил ей Реймер. Тем более что это правда. Голова у Кэрис варила получше, чем у прочих сотрудников, включая его самого.

— Почему? Вы думаете, жена мэра меня испугается? Потому что я черная?

— Нет, Кэрис, — возразил Реймер. — Такое мне даже и на ум не приходило.

Хотя, конечно же, приходило, но Реймер прогнал эту мысль.

— Где она?

— В парке, — ответила Кэрис. — Надеюсь, вы не рассчитываете, что вам удастся кого-то обмануть?

— Кэрис, честное слово, это не потому...

— Вы просто не хотите идти на похороны, — перебила Кэрис, и это ее замечание вновь застало его врасплох.

— Это не займет много времени, — возразил Реймер, хотя надеялся, что все-таки займет.

— А то я могу послать Миллера.

— Миллера, — повторил Реймер. Она серьезно? Миллера? — С него станется ее пристрелить.

— Он стоит у вас за вашей спиной.

Реймер вздохнул, потер лоб.

— Скажите ему, что я прошу прощения за грубость.

— Я пошутила. Его здесь нет.

— Тогда не говорите ему ничего.

— Но он бы мог и оказаться тут, вот к чему я клоню. Именно так вы вечно и вляпываетесь.

— Я вечно вляпываюсь?

— “Я не буду счастлив, пока вы будете счастливы”?

— Я просил вас не упоминать об этом.

— Да это я просто к слову.

— Знаю. У вас всегда просто к слову. А я всего лишь прошу вас больше ничего просто к слову не говорить, ладно?

Элис сидела на скамье напротив памятника павшим воинам. Даже в тени было невыносимо жарко, но Элис словно не замечала.

— Я бы никогда не поступила так жестоко по отношению к подруге, — говорила она воображаемому собеседнику, прижимая к уху розовую телефонную трубку.

— Здравствуйте, миссис Мойнихан, — произнес Реймер и сел рядом.

Некогда Элис, видимо, была хиппи и сейчас, на шестом десятке, снова захипповала. Вставила в длинные седеющие волосы одуванчик, да еще, как заметил Реймер, не надела лифчик. Кэрис права. Опять. Следовало поручить ей разобраться, как она и предлагала. Да и мотивы его она раскусила. Ему *действительно* не хотелось ехать на похороны.

— Как поживаете?

Элис недоуменно уставилась на него, точно вопрос ее озадачил, но потом улыбнулась, очевидно решив, что перед ней кто-то из знакомых, просто притворяется полицейским. Она нажала на то место на трубке, где, будь это настоящий сотовый телефон, находилась бы кнопка вызова и отбоя, и сунула трубку в сумку.

— Бекка передает привет, — сообщила Элис, и у Реймера по спине пробежал холодок, невзирая на испарину. Элис не впервые упоминала о том, что общается с его покойной женой.

— И вы ей от меня передайте.

Элис вздохнула и отвернулась, словно что-то ее встревожило.

— Так много мужчин.

Реймер не сразу понял, что они уже говорят не о Бекке. Элис смотрела на столбцы имен на памятнике.

— Большинство совсем мальчишки, — заметил Реймер.

— Да, мальчишки. Мой сын здесь.

Это была неправда. Детей у них с Гасом не было. До Гаса Элис была замужем за другим человеком, но, насколько знал Реймер, и в том браке никого не родила.

— Война — ужасная штука.

— Да, — согласился Реймер.

Среди тех, кто погиб во Вьетнаме, были перечислены трое его одноклассников.

— Бекка хотела детей.

— Нет, — возразил Реймер, припомнив единственный разговор с женой на эту тему. Бекка не желала обзаводиться потомством, и Реймер притворился, будто тоже не хочет. — Вообще-то не хотела.

— В следующий раз я у нее спрошу.

— Давайте я отвезу вас домой?

— А мне пора домой?

— Гас говорит, что пора, — ответил Реймер. Вранье, но именно это Гас и сказал бы, если бы узнал, что Элис вновь сорвалась с поводка.

— Гас меня любит, — произнесла Элис так, будто сообщала малоизвестный любопытный факт.

Они встали, Реймер отвел Элис к своей “джетте” и усадил в салон. До самого дома Элис и Гаса — они жили в старом викторианском особняке, последнем на Верхней Главной, напротив парка Сан-Суси, — Реймер и Элис не проронили ни одного слова.

— Я всё пытаюсь вспомнить, кто вы такой, — на прощанье сказала Элис.

— Где они отыскиали этого типа? — шепотом спросил Реймер у Гаса.

Священник, который произносил надгробную речь, и правда смахивал на Элис. Волосы до плеч, на развевающемся прозрачном хитоне вышит затейливый разноцветный узор, означающий... что? Что у священника есть подружка? Что он сам вышивает в свободное время, вместо того чтобы смотреть по телику спорт? Реймер инстинктивно проникся отвращением к священнику, хотя и не сразу сообразил почему. Из-под хитона не выглядывали ни воротничок, ни манжеты рубашки, ни носки, и казалось, будто под этой роскошной ночнушкой священник голый. Реймера посетило не-

прошеное видение: он представил, как покачиваются темные гениталии этого типа.

— Сорок с лишним лет, — вдохновенно вещал преподобный Хитон, — судья Бартон Флэтт был голосом правосудия и разума в нашем славном городке. Именно так он называл это дорогое нам всем место. “Наш славный городок”.

Реймер подавил стон. Он небезосновательно полагал, что его честь никогда такого не говорил. Флэтт вообще ни к чему не выказывал особой приязни, не считая отвлеченного понятия, которое сам называл “провинциальным правосудием”, — именно это правосудие и отправлял Флэтт, по его же словам. Реймер ни разу не отважился уточнить, чем провинциальное правосудие отличается от прочих его видов, но подозревал, что ответ будет таким: “Тем, что его решения, по всей вероятности, отменят в суде высшей инстанции”. Судья гордился репутацией вольнодумца и выносил вердикты со смиренной миной человека, который слишком хорошо понимает, что прочие законники, скорее всего, со временем придут к противоположному выводу. “Наш славный городок”? — едва ли, подумал Реймер.

Боже, какая жара. Реймер чувствовал, как между лопатками, из подмышек и по груди ползут струйки пота, как вся эта влага пропитывает сбившиеся трусы. На дне разверстой могилы глубиной добрых шесть футов лежала тень, и Реймер поймал себя на том, что отчаянно хочет туда. Там, внизу, наверняка прохладно и пахнет свежестью. Как приятно было бы забраться в могилу, свернуться калачиком и отдохнуть в холодке. Окей, наверняка найдутся вещи и поприятнее, но, положив руку на сердце, сейчас они Реймеру в голову не приходили. После встречи с бедняжкой Элис, после того, как она ни с того ни с сего упомянула Бекку, настроение у Реймера, и без того скверное, испортилось окончательно. С тех пор как год назад не стало его жены — хорошо, он все-таки подумает о ней, — Реймер был сам не свой. По утрам он чаще всего — даже если как следует отдохнул — просыпался словно в тумане и, сонный, уговаривал себя встать. Секса не хотелось совершенно. Вдобавок у него пропал аппетит — в участке Кэрис постоянно напоминала ему, что нужно поесть. Она объясняла

отсутствие у него аппетита горем, но Реймер знал, что дело не в этом. Разумеется, некогда он любил Бекку, любил всем сердцем, и то, как она умерла, просто ужасно, но теперь ему, скорее, было любопытно, с кем же она собиралась от него сбежать.

Гас ткнул его локтем и спросил еле слышно:

— Как продвигается речь?

— Почти готова, — заверил Реймер, хотя не написал ни слова.

В понедельник состоится важная церемония, кульминация праздников, среднюю школу переименуют в честь Берил Пиплз — еще одно мероприятие, от которого Реймер тщетно пытался отвертеться. Гас откуда-то узнал, что Реймер учился у мисс Берил, и сразу же припахал его. Реймер пытался объяснить, что учился через пень-колоду и вряд ли может служить примером ее педагогического мастерства. Почему бы не попросить того, кто хотя бы получал у покойной хорошие отметки? Потому что все умные ребята, сообщил ему Гас, свалили из города, как и следовало ожидать. Так что придется выступить Реймеру. Неделю назад он уселся с линованным блокнотом, раз-другой попытался что-нибудь накропать, но скоро сдался. Сегодня попробует снова. И если ничего не выйдет, попросит Кэрис.

— Наш... славный... городок, — с деланным изумлением повторил преподобный Хитон.

Собственным красноречием он довел себя почти до экстаза и раскинул руки, точно желал обнять весь Бат, хотя в эту минуту его единственной аудиторией, не считая горстки поникших скорбящих, были обитатели могил, простиравшихся во все стороны насколько хватало глаз.

— И сейчас, когда мы провожаем в последний путь этого исполина, быть может, нам следует остановиться и поразмыслить над тем, что значат эти слова.

Исполина? Пять футов шесть дюймов, сто сорок фунтов* — в лучшем случае. Реймер мог бы запросто выжать этого исполина как штангу и хорошенько, как следует встряхнуть. Если честно, он не раз себе это представлял.

* 165 см и 63,5 кг.

— Значат ли они, что здесь, в округе Шуйлер, нам щедро дарованы красоты природы и преизбыток естественных богатств? Гор, озер, рек и источников?

Источников? О них-то сейчас зачем? В Бате они все пересохла.

— Густые прохладные чащи, где некогда бродили молчаливые проворные ирокезы в гибких и мягких мокалинах?

Ирокезы? У Реймера упало сердце. Если уж в речь над могилой судьи пробрались ирокезы, с чего бы считать неуместным и всё остальное?

— Я верю, что именно это он и имел в виду! — объявил преподобный Хитон. — Но только ли это?

Реймер охотно указал бы, что ничего иного покойный в виду не имел, если бы после этого можно было пойти по домам, но увы.

— Лично я верю, что не только это.

Мыслимое ли дело, чтобы эдакий дуболом представлял настоящую церковь? Он больше похож на тех, кто придумывает собственную религию. А может, он служитель сразу нескольких конфессий и в колледже Шуйлер-Спрингс, который и откомандировал его в Бат, обязанности преподобного заключаются в том, чтобы усыплять разумение студентов, буде те, вопреки ожиданиям, протрезвеют настолько, что у них появится разумение? Принадлежность к педагогической среде объяснила бы и велеречивую чушь, которую он несет, и уверенность, с которой он это делает. Но все-таки интересно, какие ему дали указания. Неужели не сообщили, что судья Флэтт был отъявленный атеист? Что поэтому-то и не было службы в церкви? Неужели этот священник не понимает, что его присутствие здесь — вынужденная уступка положению судьи как публичной персоны и желанию горожан отдать ему последнюю дань уважения? (Окей, сам Реймер такой потребности не ощущал, но допускал, что у других может быть иначе). Преподобному Хитону явно было невдомек, что ему поручили идиотскую задачу, а потому он полагал своею обязанностью произнести такую же проповедь, какую прочел бы с кафедры по случаю кончины любимого диакона. Или как минимум позаботиться

о том, чтобы церемония под обжигающим солнцем длилась бы столько же, сколько и в помещении, где на полную мощность работает кондиционер.

Что сказала бы об этом придурке мисс Берил? “Когда вы пишете, — наставляла она Реймера и его однокашников, — держите в голове риторический треугольник”. И всегда рисовала в верхней части листа с их сочинениями два треугольника, первый представлял собой сочинение ученика, второй, иной формы, призван был улучшить написанное. Как будто геометрия — еще один предмет, от которого Реймера брала тоска, — способна хоть что-нибудь прояснить. Стороны старушкиного треугольника назывались “Тема, Аудитория, Говорящий”, и большая часть вопросов, которые мисс Берил царапала на полях сочинений, касались соотношения этих трех понятий. “О ЧЕМ ты пишешь?” — допытывалась она и проводила волнистую линию к букве Т, обозначающей тему. Даже если они писали на тему, которую мисс Берил сама же и задала, она все равно настаивала, что тема сочинения недостаточно ясна. Еще она вопрошала: “Как ты думаешь, кто твоя АУДИТОРИЯ?” (*Вы сами*, так и подмывало ответить Реймера, хотя мисс Берил упорно это отрицала.) “Чем твои читатели занимаются в эту минуту? Почему ты думаешь, что их заинтересует эта тема?” (А если не заинтересует, зачем вы вообще ее задали? Неужели вы думаете, что *мне* она интересна?)

Но больше всего Реймера сбивали с толку непонятные вопросы про говорящего. Эта часть его треугольника всегда оказывалась такой короткой, а две другие такими длинными, что получившаяся геометрическая фигура смахивала на стапель. На каждом сочинении Реймера мисс Берил писала: “Кто ты?” — будто бы наверху первой страницы не было напечатано “Дуглас Реймер”. Если спросить у нее, что имелось в виду, ответит тоже непонятное. В каждом тексте, утверждала мисс Берил, неизменно присутствует образ автора. Не ты, действительный автор, не тот человек, которого ты видишь, когда смотришь на себя в зеркало, а тот “ты”, которым ты становишься, когда берешь в руки перо с намерением что-либо сообщить. “Кто этот Дуглас Реймер?” — провокационный вопрос, который любила задавать мисс Берил. (Так

и тянуло ответить: *никто*. Реймер охотно стал бы никем, если бы только она от него отцепилась.)

Но, поскольку старуху это явно заботило, Реймер старался, как мог, понять ее треугольник, хотя тот оставался таким же загадочным, как Троица — Отец, Сын и Святой Дух. Но Троица хотя бы считается глубокой тайной, над которой положено размышлять, сознавая при этом, что она превосходит человеческое разумение, — к великому облегчению Реймера, поскольку его понимание она, бесспорно, превосходила. Тогда как риторический треугольник мисс Берил ему понимать полагалось.

И сегодня, тридцать лет спустя, Реймер, как ни странно, наконец догадался, что мисс Берил имела в виду: в треугольнике преподобного Хитона не хватало целых двух сторон. Он явно не задумывался ни о слушателях, ни о том, как они страдают на жестокой жаре. Да и тема его, похоже, не волновала. О судье Флэтте этот тип явно не имел ни малейшего представления, тот служил ему лишь поводом высказаться. Хуже того: дабы заполнить образовавшуюся пустоту, преподобный Хитон мастерски выделил ту сторону треугольника, которая обозначала говорящего и прежде сбивала Реймера с толку. Если спросить его: “Кто ты?” — священник ответил бы, что он личность важная и вдобавок неординарная. Вряд ли мисс Берил с ним согласилась бы, но что толку? Преподобным Хитонам мира сего нет до этого дела. И откуда берется столь изумительная самоуверенность? Реймер питал к этому человеку глубокое отвращение — и все же невольно восхищался его апломбом. Преподобный Хитон не мучил себя сомнениями и явно считал, что справится с этой задачей — да, пожалуй, с любой задачей, — даже если ему еще не успели сказать, в чем она заключается. Ему все было понятно и не терпелось всем об этом сообщить, вдобавок он не сомневался, что сумеет убедить в том всех до единого.

Реймер же, наоборот, всю жизнь сомневался в себе, чужое мнение о нем до такой степени пересиливало его собственное, что он толком не понимал, есть ли у него вообще мнение. В детстве он был особенно беззащитен перед обзывательствами, они не только ранили его в самое сердце, но и оглуляли. Назови его дураком — и он вдруг превратится в дурака. Назови ссыклом — и он

превратится в труса. Самое обидное, что с возрастом это не прошло. Замечание судьи Флэтта о мудаках с оружием так задело Реймера именно потому, что судья попал в точку. Потому что — заглянем правде в глаза — в тот день здравый смысл ему действительно изменил. Реймер допустил, чтобы Дональд Салливан, еще один бич его жизни, все же вывел его из терпения. Именно он ехал на машине по тротуару в жилом районе, и Реймер имел все основания арестовать его. А вот расчехлять пистолет не стоило, и уж совершенно не стоило наставлять оружие, пусть даже чтобы припугнуть, на безоружного штатского, как не стоило и снимать пистолет с предохранителя, усугубив тем самым первые две ошибки. Реймер не помнил, как нажал на спусковой крючок, но, вероятно, нажал — и тут же внушил себе, что это был предупредительный выстрел, эта мысль пролетела быстрее пули. Впрочем, ненамного быстрее. В следующее мгновение издали донесся звон разбившегося стекла (Реймер по сей день почитал это не иначе как чудом) в восьмистворчатом оконце туалета, в котором — в доме, находившемся за полтора квартала от Реймера, — сидела на унитазах старушка. Если б она закончила свои дела быстрее или, закончив, проворнее поднялась бы с унитаза, пуля угодила бы ей прямоком в затылок.

Этот инцидент превратил Реймера в пацифиста. Месяц с лишним, пока Олли Норт не заметил некоторую странность в его поведении и не попросил показать пистолет, Реймер его даже не заряжал. Он его и с собой не носил бы, если бы в должностной инструкции не оговаривалось, что для полной экипировки необходим пистолет. Незаряженный пистолет Реймера возмутил Олли еще больше, чем тот случайный выстрел из заряженного, и он объяснил Реймеру: если и есть что опаснее штатского с заряженным пистолетом, так это коп с разряженным. “Тебе жить надоело?” — допытывался Олли. Реймер, тогда совсем молодой патрульный, знал, что правильный ответ “нет”, но, вместо того чтобы именно так и сказать, он молча пожал плечами, оставив вопрос без ответа.

Почему он так уязвим перед чужим мнением, гадал Реймер, тогда как другим всё сходит с рук? Окей, может быть, покойному

судье и не понравился бы преподобный Хитон. Если б судья при жизни услышал эту надгробную речь, скорее всего, упек бы Хитона в тюрьму за очернение репутации. Но Реймеру и в судье, и в преподобном виделось больше общего, чем различий: ни тот ни другой не боялись ошибиться и не склонны были проверять свои суждения. (“Проверяйте, проверяйте, проверяйте, — талдычила им мисс Берил. — Писать — значит рассуждать, а хорошие, честные рассуждения нуждаются в проверке”.)

А вот судейство в проверке, видимо, не нуждается. К Флэтту Реймера вызывали частенько, и, по его опыту, судья ни разу, никогда решений своих не менял. В последний раз Реймер давал показания против некоего Джорджа Спаноса, тот жил на окраине *нашего славного городка* с женою, детьми и дюжиной шелудивых псов, лупцевал он их как сумасшедший, и в конце концов собаки тоже лишились ума. Реймера, который приехал его арестовать, укусили трижды: два раза собаки и один раз — одичавший мальчишка. (У жены Спаноса, по счастью, зубов не имелось.) Укус мальчишки воспалился, потребовались антибиотики, из-за собачьего Реймеру вкололи прививку от столбняка, но, когда Реймер, хромая, поднялся на свидетельскую трибуну, судья не выразил ни малейшего сочувствия, и это притом что, в отличие от прошлого случая, правда, вне всяких сомнений, была целиком на стороне Реймера. Под заученно-неестественным взглядом судьи Реймеру вдруг показалось, что они с обвиняемым поменялись местами. И это у него, начальника полиции, требуют объяснений. Еще можно понять, сказал судья, что вас погрызли собаки. Но как, ради всего святого, вы умудрились допустить, чтобы вас покусал еще и ребенок? Спатос все слушания просидел рядом со своим адвокатом и так убедительно изображал оскорбленную невинность, что даже Реймер почти ему поверил. Тогда как он сам — а ему и зеркала не требовалось, чтобы узнать, что сейчас выражает его лицо, — выглядел, как всегда, виноватым. Судья Флэтт явно считал его дураком, и Реймеру ничего не оставалось, кроме как стать таковым. Видимость важнее всего, и она снова его подвела. Справедливость? Откуда ей взяться, если невиновный кажется виновным, и наоборот?